

¹⁴ Вера Алексеевна Гилярова-Платонова (урожд. Богданова; ок. 1821—1904), дочь московского священника, жена Гилярова с 1849 года.

¹⁵ Имеется в виду брошюра профессора зоологии Московского университета Карла Францевича Рулье (1814—1858) «Три открытия в естественной истории пчелы» (М., 1857), скорее всего, подаренная С. Т. Аксакову самим автором, с которым тот дружил и переписывался (см.: *Микулинский С. Р. К. Ф. Рулье: Ученый, человек и учитель, 1814—1858. М., 1989. С. 258—260*). Третье издание книги Аксакова «Записки об ужении рыбы» вышло, как указано на титульном листе, «с полнотипажам и примечаниями К. Ф. Рулье».

¹⁶ О. С. Аксакова (урожд. Заплатина; 1793—1878), жена С. Т. Аксакова с 1816 года.

¹⁷ Вероятно, тут игра слов и Гиляров имеет в виду негласно редактировавшуюся К. Аксаковым как раз в 1857 году (с апреля по декабрь) еженедельную газету «Молва». Гиляров был ее цензором с начала сентября и неоднократно подвергался взысканиям со стороны своего начальства за пропуск передовых К. Аксакова по крестьянскому вопросу — в нарушение строгих предписаний (см. об этом: *Шаховской Н., кн. Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете // Русское обозрение. 1897. Т. 46. Авг. С. 741—761; Т. 47. Окт. 755—757*). Как известно, С. Аксаков восторженно относился к изданию своего старшего сына. Он сообщал Ивану 15 апреля 1857 года: «Третьего дня вышел 1-й № „Молвы“, почти весь написанный Константином. Номер прекрасный и вполне замечательный. Никогда еще в литературе не раздавался такой благородный, самостоятельный и независимый голос. Никто еще так честно и прямо не относился к публике» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. № 14. Л. 131—131 об.).

© Г. В. Петрова

А. А. ФЕТ И В. П. БУРЕНИН: К ИСТОРИИ КРИТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ «ВЕЧЕРНИХ ОГНЕЙ»

За А. А. Фетом, как и за В. П. Бурениным, в истории литературы закрепились устойчивые репутации: с одной стороны, поэта — эстета и созерцателя, неизменно вызывавшего раздражение резко поляризированной в общественно-политическом отношении критики второй половины XIX века, с другой — циничного и бесцеремонного критика, представлявшего позицию правого политического лагеря. От этих характеристик оказалось напрямую зависимо фетоведение, в котором сложилось представление о том, что Фет периода «Вечерних огней» стал одной из «жертв» реакционного критика Буренина.

В настоящий момент история взаимоотношений Фета и Буренина, как и вопрос о критическом восприятии «Вечерних огней», требует восстановления и пересмотра.

Первые Фет и Буренин столкнулись в 1864 году. Известно, что 1860-е годы — период переходный в творческой биографии Фета. После «гонения», устроенного революционно-демократической прессой, он фактически самоустранился из литературной жизни: покупает заброшенную усадьбу в Орловской губернии и начинает заниматься хозяйством. Фет не перестает писать стихи, но принципиально воздерживается от их публикации, не желая выносить на суд «дураков» и «ослов».¹

Однако с 1862 года Фет регулярно выступает в прессе со статьями, в которых затрагивает проблемы разных сторон хозяйственной и духовной жизни порефор-

¹ Ср. из письма А. А. Фета к Н. Н. Страхову от ноября 1877 года: «(...) людям не нужна моя литература, а мне не нужны дураки»; от 3 (15) марта 1879 года: «Стихотворная речь и адвокатская — только у ослов одна и та же»; из письма 27 мая (8 июня) 1879 года: «Надо быть совершенным ослом, чтобы не знать, что по силе таланта лирического передо мной все современные поэты в мире свечки (...)» (здесь и далее переписка А. А. Фета и Н. Н. Страхова, хранящаяся в РГБ (315.4.25; 315.11.27—31), ИРЛИ (20.290) цитируется по тексту, подготовленному к печати Н. П. Генераловой для серии «Литературное наследство». Т. 103).

менной России. Особое внимание эти очерки привлекут в 1864 году, вызвав чуть ли не скандал.²

Резким выступлением против Фета отметился и молодой критик Буренин, опубликовавший под псевдонимом В. Монументов в сатирическом журнале «Искра» пародию «Взбаламученные свиньи. Сельские драматические сцены» на его очерк «Ночное и потравы в новом фазисе», увидевший свет в апрельской книжке «Русского вестника». Фет был представлен здесь в пародийном образе «Агафона Фета, добродетельного помещика, имеющего ниву», горящего желанием «напако-стить этим грубым мужикам», и благословляющего «благодетельную систему штрафов».³

Впрочем, резкость тона этой рецензии, вполне характерная для нигилистиче-ски, радикально настроенной молодежи 1860-х годов, к числу которой относил себя в этот период Буренин, вряд ли могла как-то особенно задеть Фета в силу своей типичности. Не зная об этой рецензии Фет, конечно, не мог, однако для него это был не более как один из «ударов» «неумытых» «даже не *dii minorum gen- tium* (второстепенные боги. — Г. П.)» оппонентов.

Что касается Буренина — не только критика, но и человека поэтически ода-ренного, прославившегося позже своими сатирическими пародиями — его отно-шение к Фету окажется весьма неоднозначным. Если в 1864 году в своей драма-тической пародии он высмеивает не только Фета-помещика, но и Фета-поэта, пи-шущего стихи забавы ради, то позже Фет-лирик станет для него предметом внутренней рефлексии. Свидетельством чего становится целый ряд стихотворе-ний Буренина из поэтического сборника «Голубые звуки и белые поэмы», вышед-шего в свет в Санкт-Петербурге в 1895 году под псевдонимом Граф Алексис Жас-минов. Так, в цикле «Из прошлого», входящем в раздел «Песни весны», обнару-живается непосредственное следование Буренина мотивно-образному ряду Фета. Например:

Вспомнилась мне ночь...
Дремал роскошный сад. В лазури ясной
<...>
И дрожали слезы
В очах склоненных долу, и рука...
<...>
Без слез я плакал...
<...>
Без слез я плакал.⁴

Здесь же находим и пародию на знаменитое стихотворение Фета «Я пришел к тебе с приветом...»:

Я пришел к тебе поутру,
Легким кутаясь халатом,
Рассказать, что мы жаркое
Нынче будем есть с салатом!
Рассказать, что отовсюду,
Парника усыпав гряды,
Огурцов зелено-сочных
Вышли юные отряды.⁵

² Об этом см.: Фет А. А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. В. А. Кошелева и С. В. Смирнова. М., 2001. С. 428.

³ Монументов В. [Буренин В. П.]. Взбаламученные свиньи. Сельские драматические сце-ны // Искра. 1864. 30 июня. № 24. С. 333.

⁴ Граф Алексис Жасминов. Голубые звуки и белые поэмы. СПб., 1895. С. 59—60.

⁵ Там же. С. 61.

При этом следует отметить, что в последнем случае мы имеем дело не столько со злой и обличительной иронией Буренина, направленной на автора пародируемого стихотворения, сколько с самопародией, написанной «по мотивам» Фета, с использованием художественных приемов, открытых поэтом.

Буренин уделит исключительное внимание лирике Фета 1880-х годов и первым откликнется на выход «Вечерних огней» в 1883 году. В своей рецензии, предлагая точную и глубокую характеристику стихотворений Фета «Окна в решетках, и сумрачны лица...», «Томительно-призывно и напрасно...», «Смерть» («Я жить хочу! — кричит он, дерзновенный...»), «Измучен жизнью, коварством надежды...», «В тиши и мраке таинственной ночи...», «После бури» («Пронеслась гроза седая...»), «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...», «Горячий ключ» («Помнишь тот горячий ключ...»), Буренин не скрывает своего восхищения лирическими шедеврами Фета, и пишет: «К числу наиболее пародированных нашими юмористами поэтов, конечно, должен быть причтен А. Фет. Его всем известные пьесы (...) пародировались бесчисленно. Над его поэзией глумились и в стихах и прозе различные призванные и непризванные критики и рецензенты, либеральные „граждане“ и „обличители“. И, однако же, результат всех этих бесчисленных стихотворных и прозаических глумлений сводится, если говорить правду, на решительный нуль. Стихи Фета не только для людей, понимающих истинное искусство, не только для жрецов и поклонников изящного, но даже и для большинства читателей вообще (...) всегда были и всегда останутся превосходными в своем роде стихами».⁶ По мнению Буренина, Фет сумел, несмотря на проклятия и ожесточение односторонней критики, остаться «лирическим певцом, которого вдохновляют лишь вечные и глубокие впечатления правды и человеческой души».⁷ Основной пафос отношения рецензента к «Вечерним огням» Фета закреплен в следующем утверждении: «Да это истинная поэзия, чудная по форме и полная содержания».⁸

Фет, который после почти 20-летнего отсутствия на литературной арене решается выпустить собрание своих стихов новой книгой, не мог трепетно не ожидать отклика на нее читателей и критиков. Между тем рецензия Буренина его и порадовала, и оказалась несколько неожиданной. В письме к Вл. Соловьеву от 14 апреля 1883 года он пишет: «Попадался ли Вам в № 25 мартовского „Нового времени“ разбор моих виршей, — кого бы Вы думали? — Буренина. А разбор мастерской, по-моему. В такой тесной рамке он растузил дураков на славу и указал на главнейшие черты моей музыки. Видно, что человек тонко понимает дело, хотя не могу понять, как тут же он восхищается прямолинейным Некрасовым?».⁹ Вероятно, Фет поделился своим впечатлением от рецензии и с Н. Н. Страховым, который откликнулся следующим замечанием в письме от 18 (30) апреля 1883 года: «Решительно, Вы имеете успех. Буренин плут; но ему нашептывал Д. В. Аверкиев, и он прикинулся умицей».

С этого времени Буренин регулярно участвует в критике и оценке творческой деятельности Фета. Так, в 1885 году в «Новом времени» появляется его фельетон «Сатиры Ювенала в переводе Фета», где критик высказывается в поддержку переводческой деятельности поэта и соображений о важности освоения русским культурным сознанием римской классики. И если сам перевод Фета Буренин оценивает только благосклонно, называя его «очень своеобразным», «очень выразительным», но местами «затруднительным для чтения и шероховатым», то поэтическому таланту переводчика он отдает бесспорный приоритет. По мнению Буренина, «г. Фет дал по части чистой лирики все, что он мог дать, и чудесная, благоухающая поэзия

⁶ Буренин В. Новые стихотворения А. А. Фета // Новое время. 1883. 25 марта. № 2540. С. 2.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Фет А. А. Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 325.

его молодости навсегда останется образцовой и занимающей особое место среди песнопений других русских поэтов».¹⁰

Эта рецензия не прошла мимо Фета. На нее обратил внимание и Страхов, замечавший в письме к поэту от 17—18 февраля 1885 года: «Читали ли фельетон об Вас Буренина? Писано против воли, но не глупо».

В 1880-е годы у Фета в целом складываются вполне устойчивые отношения с «Новым временем». В 1883 году в газете, с подачи Страхова¹¹ публикуется стихотворение Фета «Как солнце внешнее сияя...» под заглавием «15 мая 1883», посвященное коронации Александра III.¹² В постоянном разделе «Нового времени» «Среди газет и журналов» регулярно обращается внимание читателей на отдельные публикации и выступления Фета.¹³ В 1889 году на протяжении нескольких номеров «Новое время» освещает 50-летний юбилей литературной деятельности Фета,¹⁴ а в 1890-м — публикует письмо Фета в редакцию под заглавием «Кормление в Древней Руси», в котором, откликаясь на полемику историков и филологов вокруг основного содержания термина «кормление», он предлагал свою этимологическую версию происхождения этого понятия.¹⁵ Думается, что такому вниманию со стороны «Нового времени» Фет был обязан не только основному «устроителю» своих дел Страхову, но и благосклонности, и признанию Буренина.

Между тем нельзя не отметить, что в 1880-е годы, когда судьба вторично свела Фета и Буренина, последний пользовался сомнительной и скандальной славой. С одной стороны, многие деятели литературы, в том числе из близкого окружения Фета, признавали критический талант Буренина, отмечая самостоятельность его оценок, оригинальность его подхода к литературе, глубину понимания художественных произведений. Известно, что высоко оценивали отдельные выступления Буренина Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и др.¹⁶ С другой — Буренин фактически затравил С. Я. Надсона, резко и бесцеремонно, не выбирая средств полемики, выступал против представителей «новой» литературы — Н. Минского, Д. Мережковского и др. Не случайно Н. С. Лесков оставил о нем отзыв как о критике, «который только и выискивает, чем бы человека обидеть, приписав ему что-нибудь пошлое».¹⁷

Фет не мог не знать об этой стороне литературной физиономии Буренина, тем более, что и Н. Н. Страхов, и Я. П. Полонский в своих письмах постоянно на нее

¹⁰ Буренин В. Сатиры Ювенала в переводе Фета // Новое время. 1885. 15 (27) февр. № 3221. С. 2.

¹¹ Об этом см. письмо Н. Н. Страхова к А. А. Фету от 11 (23) мая 1883 года.

¹² Новое время. 1883. 15 (27) мая. № 2589. С. 1.

¹³ 22 февраля (6 марта) 1886 года в разделе «Среди газет и журналов» было частично воспроизведено письмо Фета к редактору «Русского курьера», посвященное воспоминаниям о покойном Аксакове (Новое время. № 3588); 1 (13) января 1889 года в обзоре книжного рынка года 1888-го отмечалось: «По части поэзии урожай был немалый, но жатва — не обильная. Из лирических произведений назовем: 3-й выпуск „Вечерних огней“ г. Фета, „Стихотворения“ г. Ясинского, „Стихотворения“ г-жи Чюминой (...)» (Там же. № 4613. С. 4).

¹⁴ 21 января (2 февр.) 1889 года в преддверии юбилея был опубликован краткий очерк творческой биографии поэта «А. А. Фет», без подписи (Новое время. № 4631. С. 3); 28 января (9 февр.) — стихотворение К. Р. «А. А. Фет (на пятидесятилетний юбилей его деятельности)» и статья Н. Страхова «Юбилей поэзии Фета» (Там же. № 4640); 29 января (10 февр.) — стихотворение С. Бердяева «А. А. Фет (к полувековому юбилею его поэтической деятельности)» (Там же. № 4641); 31 января (12 февр.) в разделе «Среди газет и журналов» появляется заметка следующего содержания: «Приводим из московских газет стихотворение А. А. Фета, написанное им к своему юбилею и озаглавленное „На пятидесятилетие моей музыки“ (...)» (Там же. № 4643); наконец, 2 (14) февраля было опубликовано стихотворение К. Фофанова «А. А. Фет» (Там же. № 4645).

¹⁵ Шеншин [Фет]. «Кормление» в Древней Руси // Новое время. 1890. 21 июня (3 июля). № 5139. С. 3.

¹⁶ Об этом см.: Лепехин М. П., Рейтблат А. И. Буренин Виктор Петрович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 366.

¹⁷ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1956—1958. Т. 11. С. 533.

намекали. Так, Страхов, называя Буренина «плутом», фактически указывает Фету на лицемерие его критической позиции. А в письме Полонского от 18 января 1888 года к Фету, где речь идет о стихотворении последнего «Моего тот безумства желал, кто смежал...», находим следующее замечание, весьма недвусмысленно говорящее об отношении к Буренину: «И хоть завой, брани меня, не знаю, что значат *завои*, и как можно *смежить* (т. е. смыкать) *блески и росы* (...)». Попробуй-ка я написать что-нибудь подобное — Буренин обрадуется и с лаем на меня завоюет на всю Россию».¹⁸

Но, во-первых, Фет всегда был независим от чужих оценок и самостоятелен в составлении того или иного мнения, во-вторых, признание Буренина для него, избалованного вниманием и похвалами критики, было весьма значимо. Фет был расположен к Буренину, о чем свидетельствует и сохранившееся в архиве Буренина письмо Фета от 31 января 1887 года:

«Милостивый государь
Виктор Петрович!

Приступая к совместному пересмотру, прилагаемого при сем перевода Овидиевых Превращений, Граф Олсуфьев поставил непременно условием своего сотрудничества издание перевода обок с латинским текстом, причем постоянно указывал на желание Ваше видеть древних авторов в подобном виде. Дорожа сотрудничеством Графа я вынужден был согласиться на это, хотя Граф первоначально успокаивал меня, что мы будем печатать текст Линдемана, по которому переведено. Но с первых же строк Граф стал настойчиво вводить разночтения, что при начавшемся уже тиснении, удесятирило затруднения, препобеждения которых со стороны никто и не увидит.

Но зато книга моя помимо русского перевода, о достоинстве которого судить не мне, представляет самостоятельный согласный с новейшими требованиями критики, латинский текст, имеющий собственную цену независимо от перевода.

Я вообще не избалован читателем, тем более — по отношению к моим переводам; но это нимало не уменьшает во мне потребности труда и желания хотя бы сравнительного успеха книги.

Помня сочувственный отзыв Ваш о моем Ювенале, прошу принять и настоящую книгу, которая двумя днями опоздала прибытием в Вашу редакцию лишь по недоразумению.

С совершеннейшим почтением и признательностью имею честь быть Ваш покорнейший слуга

А. Шеншин».¹⁹

Печатного отклика Буренина на «Превращения» Овидия в переводе Фета в «Новом времени» не появилось, зато особенный резонанс вызвал фельетон Буренина, написанный на выход в свет четвертого выпуска «Вечерних огней» и опубликованный в декабре 1890 года в «Новом времени».

Долгое время считалось, что этот фельетон — одно из злых и ядовитых выступлений в типичном духе Буренина, который очень задел Фета. В 1959 году при переиздании полного собрания лирики Фета в примечаниях к одному из шедевров «Вечерних огней» — стихотворению «На качелях» — Б. Я. Бухштаб указал, что раздраженное замечание Фета из письма к Я. П. Полонскому от 30 декабря 1890 года: «Сорок лет тому назад я качался на качелях с девушкой, стоя на доске,

¹⁸ Переписка А. А. Фета с Я. П. Полонским. 1846—1892 / Вступ. статья Т. Г. Динесман: Публ. и комм. Т. Г. Динесман и М. И. Трепалиной // Лит. наследство. 2008. Т. 103; А. А. Фет и его литературное окружение. Кн. 1. С. 623.

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 36.2.503. Л. 1—2.

и платье ее трещало от ветра, а через сорок лет она попала в стихотворение, и шуты гороховые упрекают меня, зачем я с Марьей Петровной качаюсь»,²⁰ — было прямым откликом на фельетон Буренина.²¹

Этот комментарий Бухштаба фактически повторялся во всех наиболее значимых переизданиях стихотворений Фета в XX веке: в «Библиотеке поэта» (1986 год), в отдельном специализированном издании «Вечерних огней» в серии «Литературные памятники», осуществленном М. А. Соколовой и Д. Д. Благом в 1979 году (2-е издание — 1981 год) и др.

Примечания Бухштаба к стихотворению «На качелях» стали решающими и в формировании устойчивого представления о том, что «Вечерние огни», подобно поэтическим выступлениям Фета второй половины 1850—1860-х годов, были встречены критикой негативно и весьма иронично.

Между тем эту весьма распространенную исследовательскую позицию следует признать опрометчивой, основанной на неточном прочтении рецензии Буренина на четвертый выпуск «Вечерних огней» Фета.

Буренин в своем фельетоне выступил одним из почитателей «Вечерних огней», а по поводу стихотворения «На качелях» писал, как раз критикуя «шуты гороховых», по определению Фета, и их «прозаическую» точку зрения на поэзию: «Есть прозаические читатели и прозаические критики, которые издеваются над тем, что маститый поэт не оставляет и в свои преклонные годы прежних любовных мотивов, а, напротив, разрабатывает их и теперь с такой страстностью, как в былые годы. „Помилуйте“, говорят эти господа, „что это такое, прилично ли это: семидесятилетний певец представляет нам себя влюбленным в разных красавиц, тающим и млеющим на различных randeу, воркующим признания и комплименты. Вот посмотрите хоть в последнем выпуске «Вечерних Огней». Поэт, например, изображает себя качающимся на качелях вдвоем с женой (...) Положим это стихотворение прекрасно написано и если бы его автору было лет двадцать, то, конечно, его можно прочесть с улыбкой удовольствия. Но под стихотворением стоит пометка: 26 марта 1890 г. Значит, г. Фет написал эту пьесу на семидесятом году. Когда сообразишь это обстоятельство, то невольно при чтении стихотворения является (...) улыбка. Представьте себе семидесятилетнего старца и его «дорогую» «бросающих друг друга» на шаткой доске. Представьте, что «дорогая» соответствует по годам «дорогому», как тут не рассмеяться на стариковскую игру новых Филимона и Бавкиды, как не беспокоиться, что их игра может действительно оказаться роковой и окончиться неблагополучно для разыгравшихся старичков?». Так говорят прозаические читатели и критики, издеваясь над маститым поэтом. По-моему, подобные речи совсем не резонны и не имеют ровно никакого значения. Что за дело читателям и критикам до возраста поэта, если его вдохновения проникнуты прелестью, свежестью и страстностью юноши. (...) Да, в действительности это, пожалуй, не естественно и противоестественно, но в поэзии — нисколько».²² Обращаясь к анализу и других стихотворений Фета: «Оброчник», «Устало все кругом, устал и цвет небес...», «В полуночной тиши бессонницы, моей...» — Буренин везде отмечает удивительную выразительность, сосредоточенность мысли, глубину впечатления, исключительную задушевность «вечерних» вдохновений поэта.²³

Не обошлось в фельетоне Буренина и без критики, которая была обращена на фетовские посвящения и послания, разнообразно представленные в четвертом выпуске «Вечерних огней». Однако заметим, что не только для Буренина, но и для большинства современников Фета, как в дальнейшем и для исследователей, было загадкой, почему Фет рядом с лирическими шедеврами размещает стихи, написан-

²⁰ Цит. по: Фет А. А. Вечерние огни. М., 1979. С. 732—733.

²¹ Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1959. С. 774—775.

²² Буренин В. Критические очерки // Новое время. 1890. 7 (19) дек. № 5308. С. 2.

²³ Там же.

ные по разным «случайным» поводам, даже «заказные», хотя известно признание самого поэта, что подобного рода стихи ему никогда не удавались, и он откровенно мучился при их создании. Причем количество так называемых стихов «на случай», «альбомного сора», по выражению Буренина, увеличивается от выпуска к выпуску «Вечерних огней». В этом видели то нескромность, то причуду Фета. В числе прочих Буренин в своей рецензии писал: «Справедливость требует заметить, что в вышедшем новом выпуске „Вечерних огней“, заключающем в себе более полусотни стихотворений, значительное число их отличается альбомным характером. Среди этих альбомных стихотворений есть даже такие, в которых поэт рассыпается в ластивых комплиментах довольно фальшивого характера».²⁴

Между тем нельзя не сказать, что в конце XIX века еще не сложилось устойчивой традиции и компоновать, и прочитывать поэтические сборники как художественное целое. Фельетоны Буренина также построены на характеристиках отдельно взятых стихотворений Фета. Логика же поэтической структуры «Вечерних огней» проясняется только, если рассматривать их как поэтическую книгу, со своей внутренней концепцией. Поэтому в определенной степени непонимание со стороны Буренина, свойственное и друзьям Фета, «пестунам» его поэзии — Страхову и К. Р. составителям первого посмертного издания лирики поэта, а позже и «фетышисту» Б. Никольскому, инициатору первого полного собрания стихотворений Фета, отчасти извинительно.

Таким образом, позиция Буренина в отношении Фета оказалась весьма неоднозначной. Обращает на себя внимание тот факт, что повсеместно и даже несколько навязчиво в своих рецензиях Буренин именует Фета «маститым поэтом», а в одном из своих традиционных пятничных фельетонов он скажет о себе: «Я говорил <...> что предпочитаю писателей старой школы, писателей сороковых годов, писателям позднейшего периода и новым. Я говорил, что первые сравнительно с последними обнаруживают превосходство и в тщательности работы над своими произведениями, и в художественной манере, и наконец, в правдивом реализме. Следует прибавить к этому, что в произведениях прежних писателей, несмотря на их преклонные годы, оказывается ясно большая умственная и творческая бодрость».²⁵ Одним, а может и первым поэтом из поколения сороковых годов, чье творчество отмечено умственной бодростью и правдивым реализмом, для Буренина как раз и был «маститый поэт» Фет.

Между тем Буренин склонен был использовать имя Фета в своих интересах. Особенно рельефно это проявилось в рецензии на четвертый выпуск «Вечерних огней», где критик постоянно сталкивает «маститого поэта» с «новыми». Так, характеризуя стихотворение Фета «Устало все кругом, устал и цвет небес...», он пишет: «Я не знаю из прежних пьес г. Фета ни одной, которая <...> могла бы сравниться (с этим. — Г. П.) поэтическим шедевром четвертого выпуска „Вечерних Огней“. За два последние стиха <...> я готов отдать сотни фразистых завываний современных „певцов расслабления“».²⁶ А отклик на стихотворение «В полуночной тиши бессонницы моей...» содержит следующее признание критика: «А вот за эту, чисто фетовскую, проникнутую поэтическим мистицизмом песнь, я отдам, пожалуй, даже целые томы стихов Надсонов, Минских, Мережковских и tutti quanti».²⁷

Возможно, что собственно двойственность отношения Буренина к Фету раскрывается чуть позже. В 1891 году Фет, откликаясь на тяжелейшую ситуацию, сложившуюся в центральной части России ввиду неурожая, выступил в «Московских

²⁴ Там же.

²⁵ Буренин В. Критические очерки // Новое время. 1887. 6 (18) февр. № 3990. С. 2.

²⁶ Новое время. 1890. 7 (19) дек. № 5308. С. 2.

²⁷ Всех прочих (ит.).

²⁸ Новое время. 1890. 7 (19) дек. № 5308. С. 2.

ведомостях» с небольшой заметкой «О помощи крестьянам неурожайных областей», в которой подверг критике «подвиги благотворительности», организованной «так называемой интеллигенцией», не имеющей «никакого понятия о характере деревенской жизни».²⁹ На эту статью не замедлило откликнуться «Новое время». Сначала в разделе «Среди газет и журналов» в № 5611 от 12 (24) октября 1891 года появился анонс следующего содержания: «Известный поэт и землевладелец, г. Фет, восстает в „Московских Ведомостях“ против раздачи хлебом нуждающемуся населению собираемых для него пожертвований. Указывая на различные факты из повседневного обихода того околотка, где он живет, г. Фет приходит к выводу, что пособие населению должно состоять в праве на труд, который дает нуждающимся возможность покупать хлеб (...)».

Трудовые деньги не деморализуют работника, говорит г. Фет».³⁰

22 октября (3 ноября) 1891 года в «Новом времени» появилась ироничная статья «Вечерние страхи А. А. Фета»,³¹ в которой Фет-поэт был назван известным и любимым, милым и нежным творцом, «чувствительным и сохранившим в своем сердце память тонких и мимолетных видений любви», а Фет-публицист иронично именовался «решительным и суровым» реалистом, но мало понимающим действительное состояние общественной жизни, в том числе и ее хозяйственной стороны. Со ссылкой на исследование губернатора Курска В. В. фон-Вааля, обращаясь к целому ряду официальных цифр и фактов, автор статьи разоблачал позицию Фета как несостоятельную и не убедительную. Венчал же статью следующий пассаж: «Итак, „вечерние страхи“ А. А. Фета должны теперь рассеяться, и мы будем питать надежду, что, успокоившись, он снова начнет вспоминать шалости и грезы юности, облекая их в оборотистый стих и оставит в покое тех, у которых единственная греза прокормить себя, свою семью и свой жалкий скот».³²

Статья эта была опубликована без подписи, и только предположительно, сообщаясь с ее интонацией и стилем, можно отнести ее на счет Буренина. Думается, что Фет был склонен видеть автором ее именно Буренина, поэтому в своем «Ответе „Новому времени“» он откликается не только на критику своих «практических» суждений, но и защищает и разъясняет свою творческую позицию, в частности замечая: «Само „Новое время“, всегда так любезно относившееся к нашим стихотворениям, называет их воспоминанием юных шалостей, с чем мы совершенно не согласны. Поэт до старости, подобно ребенку, витает в мире несбыточных грез и с поэтической стороны совершенно законно говорит: „Я царь, я раб, я червь, я бог“».³³

Так или иначе, но Фет и как поэт, и как практический человек явно почувствовал себя не только оскорбленным, но и обманутым, опрометчиво доверившимся «пониманию» Буренина, что, в свою очередь, заставило его вспомнить ситуацию 1860-х годов, когда его имя делалось не только «нарицательным», но и «порицательным».

Между тем объективности ради мы должны сказать, что положительный отклик Буренина на «Вечерние огни» Фета был весьма симптоматичным и являлся выражением настроения, характерного для определенной части читательской аудитории. Кроме того, буренинские критические разборы «Вечерних огней» по-своему подготавливали ту почву, на которой в 1890-е годы вырастет культ Фета.

²⁹ Фет А. О помощи крестьянам неурожайных областей // Московские ведомости. 1891. 10 окт. № 280. С. 5.

³⁰ Новое время. 1891. 12 (24) окт. № 5611. С. 2.

³¹ В. А. Кошелев высказал предположение, что эта статья явилась откликом на публикацию статьи Фета «Гром не грянет — мужик не перекрестится» (Московские ведомости. 1891. № 230) (см.: Фет А. А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. С. 54).

³² [Б. п.]. Вечерние страхи г. Фета // Новое время. 1891. 22 окт. (3 нояб.). № 5621. С. 3.

³³ Фет А. Ответ «Новому времени» // Московские ведомости. 1891. 1 нояб. № 302. С. 6.